

Игорь Клямкин:
Вопросы есть к докладчику?

Андрей Пелипенко:
Как вам видится перспектива описанных вами процессов, к чему они могут привести? Каковы возможные варианты, и какой из них представляется вам наиболее вероятным?

Алексей Давыдов:
Я выразил в докладе согласие с Эмилем Паиным относительно того, что если Россия сбросит территории, которые она присоединила к себе как колонии, то на оставшемся пространстве возможны какие-то цивилизационные альтернативы. Однако утверждать, что это фатальный выбор, я тем не менее не возьмусь. Можно удержать нынешнюю территорию, но тогда власть должна научиться по-другому, чем сейчас и всегда, разговаривать с людьми. Как бы то ни было, нам нужен субъект развития, субъект культурной революции, которого пока нет.

Такой субъект рождается в процессе расчленения системы власти-собственности, системы этакратического правления. По мере ее расчленения будет формироваться и субъект-собственник, субъект-предприниматель, и субъект-трудящийся. Так видится мне стратегическая перспектива. Я ответил на ваш вопрос?

Андрей Пелипенко:
Скорее нет, чем да. Если субъекта развития нет, то тем более интересно, к чему ведут описанные вами процессы, и почему вы связываете с ними свои ожидания.

Алексей Давыдов:
Культурным основанием развития и, соответственно, его субъектом является автономная личность. От чего она автономная? Она автономная от тех стереотипов культуры, которые все еще господствуют в нашем сознании и которые я называю соборно-авторитарными. Именно они являются основанием нашей экономической, социальной и политической динамики. Развитием эту динамику назвать нельзя. Это скорее топтание на месте. Чтобы было развитие, должна произойти смена культурных оснований. Должна появиться массовая потребность в свободе, потребность стать личностью, что равнозначно культурной революции. Ее симптомы я и пытался найти в жизни и в искусстве, этому и посвящен мой доклад.

Андрей Пелипенко:
А как с этим соотносится идея сброса территорий? Она же находится в другой плоскости, со сменой стереотипов она не связана. По крайней мере напрямую.

Алексей Давыдов:
Напрямую, по-видимому, нет, только косвенно. Но это не мой предмет. Вопрос лучше адресовать Игорю Яковенко, который этой темой занимается профессионально.

Игорь Яковенко:
Связь безусловно существует. Сбрасывание территорий — это сбрасывание инокультурных анклавов. Культурная модернизация в русских регионах и, скажем, в кадывровской Чечне — совершенно разные вещи.

Андрей Пелипенко:

И все же в силу каких обстоятельств может произойти, хотя бы теоретически, смена архаичных культурных стереотипов, трансформация российских ментальных доминант?

Алексей Давыдов:

В своем докладе я пытался нащупать какие-то крупницы, найти какие-то тонкие ручейки в мощных мутных потоках культуры. И, как мне кажется, я их нашел. Но я не вижу тех катализаторов в обществе, которые могли бы эти тонкие ручейки и крохотные крупницы наших новых возможностей превратить в доминирующие факторы общественного сознания.

Андрей Пелипенко:

Ну и как бы вы тогда оценили вероятность такой смены доминант? Насколько она возможна, если отвлечься от каких-то эмоциональных внутренних желаний и переживаний?

Алексей Давыдов:

Крупные сдвиги в обществе обычно происходят в результате общенациональных катастроф. Какого типа катастрофа может произойти у нас на этот раз, можно только гадать. Это может быть крупная техногенная катастрофа или природная катастрофа вроде прошлогодних пожаров. Или резко упадут цены на нефть со всеми вытекающими отсюда (и известными нам по прошлому опыту) последствиями. Или начнется новая бессмысленная война типа чеченской с отнюдь не гарантированным победным исходом. Или коррупция задавит нас окончательно. Сдвиг в ценностях и, соответственно, в ментальности произойдет, по-видимому, в результате катастрофы.

Игорь Яковенко:

Это по законам природы.

Алексей Давыдов:

Это по законам развития культуры. Я не верю в то, что мы постепенно изменим наш стиль отношений между людьми, что в обществе возникнет новый уровень потребности в свободе и самореализации, новый уровень доверия народа к власти. Развития нельзя добиться, лишь модернизируя наше управление и не развивая самоуправление. А развивать самоуправление в условиях господства этакратии — значит повисить угрозу распада России. Демократизировать стиль общения в стране в условиях этакратии невозможно. Многопартийность невозможна. Честные выборы невозможны. Независимые суды невозможны. Но если так, то и единство России в конечном счете сохранить не удастся. Этакратия — плохая скрепа. Мы живем в эпоху предкатастрофы. В данном отношении никаких иллюзий я не питаю.

Игорь Клямкин:

Наши специалисты по «Русской системе» скажут, что все катастрофы этой системы ведут к ее воспроизведению. Откуда ваши надежды на катастрофу?

Алексей Давыдов:

У меня нет надежд и на катастрофу. Боже сохрани. Я просто не знаю, как все может сложиться. С одной стороны, идет, вне всякого сомнения, нарастание катастрофичности. С другой стороны, просматриваются крохотные ручейки аль-

тернативы, о которых я пишу в своем докладе. Хватит ли их реформаторского потенциала, чтобы постепенно вырасти в фактор, способный предотвратить катастрофу? Я в этом отнюдь не уверен.

Игорь Клямкин:

Нам еще предстоит обсудить, насколько альтернативны найденные вами альтернативы. Так как вопросов больше нет, мы можем начать дискуссию. Кто первый? Игорь Григорьевич, прошу вас.

Игорь Яковенко:

«ПРОБЛЕМА НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ УСТАНОВИТЬ, ЕСТЬ ЛИ ТЕНДЕНЦИЯ, ПРОТИВОСТОЯЩАЯ ДВИЖЕНИЮ В ТУПИК, А В ТОМ, ЧТОБЫ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС: ПАЦИЕНТ СКОРЕЕ ЖИВ, ЧЕМ МЕРТВ, ИЛИ СКОРЕЕ МЕРТВ, ЧЕМ ЖИВ?»

Игорь Моисеевич в своем вступительном слове точно охарактеризовал доклад и его проблематику. Сразу скажу, что обсуждать этот доклад непросто. То, что в российском обществе и российской культуре существуют тенденции, противостоящие тупиковым сценариям развития, не вызывает сомнений. Такие тенденции — реально или потенциально — присутствуют в любом обществе в любой момент его эволюции. Проблема же в том, что в каждой точке исторического развития вес позитивных и негативных (тупиковых, деструктивных) тенденций различается, и это различие задано сложной мозаикой разнородных факторов. В нашем случае возникает вопрос: имеют ли позитивные тенденции, фиксируемые Алексеем Платоновичем, шанс на реализацию?

Андрей Пелипенко:

А эти тенденции действительно позитивные?

Игорь Яковенко:

От их культурного качества я пока отвлекаюсь. Возвращаясь же к своему вопросу, скажу, что однозначно ответить на него мы не можем. Потому что у нас нет теории, позволяющей формулировать обоснованные предположения о будущем. Мы можем лишь рассуждать, опираясь в том числе на исторический опыт.

На первой странице доклада читаем: «В культуре ведь так не бывает, что что-то только умирает. Одновременно всегда нарождается и ее новое качество, которое претендуют на замену качества старого». Это верно, но это еще не значит, что претензия непременно окажется состоятельной. История человечества часто свидетельствует о другом.

Что нарождалось, скажем, в Речи Посполитой примерно в 1785 году, за десяток лет до полного распада государства? Были ли там конструктивные тенденции? Были, причем достаточно сильные. И они реализовались в знаменитой «Конституции 3 мая» 1791 года. Конституции, отменявшей *liberum veto* и обеспечивавшей выход из исторического тупика, в который зашло польско-литовское государство. Это была победа тенденции, выражавшейся так называемой патриотической партией. Люди, любившие свою страну и понимавшие европейскую реальность, не только предложили, но пробили на уровне законодательного процесса документ, обеспечивавший Польше историческую перспективу.

Игорь Клямкин:

То есть движение от выборной монархии и господства шляхты к европейскому абсолютизму?

не приходилось и что они это осуждают. Теперь же доля тех, кто признает, что делал это, резко растет, а процент осуждающих такое поведение быстро падает. Меняется именно норма. Размывается представление общества о том, что это нехорошо, что этого нельзя делать, что это разлагает личность. Так что к нашей «сексуальной революции» у меня отношение столь же сдержанное, как и к нашим протестующим против несвободы «разбойничкам».

Игорь Клямкин:

Спасибо, Наталья Евгеньевна. Мне показалось важным то, что вы говорили о возникновении очагов альтернативной культуры. Но не менее важно понять, насколько широко она может распространиться внутри «Русской системы», для которой свободная институциональная самоорганизация населения чужеродна. И еще важно понять, как сочетается с этим новым явлением нарастающий в обществе протест против сложившихся правил игры, о чем вы тоже говорили, как соотносятся культурные векторы того и другого.

Следующий — Андрей Пелипенко.

Андрей Пелипенко:

«На мой взгляд, основной вектор исторического движения России задается сегодня не позитивными, а деструктивными тенденциями»

Сначала — несколько слов по поводу дискуссии о личности. Дело в том, что преобладания личностей нет ни в одном обществе. Их нигде не бывает больше 10% — это предел. Но разные культурные системы выстроены под разные типы историко-антропологического субъекта.

Так, западная культура выстроена под личность — в том смысле, что эти 10% навязали остальной части общества такие правила игры, такую систему ценностей и воспитания человека, при которых не-личность начинает принимать эти правила и под них подстраиваться. При этом не-личность начинает осознавать себя как личность и соответствующим образом себя вести. Иными словами, западный обыватель, не будучи личностью, ведет себя по правилам, установленным для личности. В этом — один из парадоксов и одно из важнейших противоречий западной культуры.

А в других культурах дело обстоит иначе. И причина тому — не в количестве личностей как таковых. В любом социуме, по-видимому, рождается одинаковое количество людей с личностным потенциалом. А вот что происходит дальше — это и есть самое интересное: то ли личность маргинализируется и подавляется, то ли, наоборот, выступает системообразующим началом в обществе.

Исходя из того, что Россия относится к первому случаю, докладчик ищет в ней позитивные тенденции, которые могли бы свидетельствовать о появлении личностной культурной альтернативы «Русской системе». При этом он, будучи чутким и объективным исследователем, не может не ощущать приближения взрыва, социальной катастрофы. Не может не понимать, что переход в иное качество не будет, скорее всего, таким «бархатным», как на предыдущем историческом витке. Повторения в России 1991 года ждать не приходится. И не только потому, что постсоветская власть извлекла из «перестройки» необходимые уроки. «Бархатный» вариант вряд ли совместим и с сегодняшним уровнем агрессии, наэлектризованности, да и со всем нашим историческим опытом.

Тем не менее докладчик ищет положительные тенденции. Можно ли их отыскать? Разумеется, можно. Но каково, спрошу вслед за Игорем Яковенко, соотношение тенденций положительных и деструктивных? На мой взгляд, вторые

явно доминируют, задавая основной вектор исторического движения. У больного неизлечимой болезнью могут быть и какие-то радостные для него события. Само по себе это, конечно, хорошо, но в контексте общей картины выглядит не слишком бодряще.

К тому же и сами тенденции, которые в глазах Алексея Платоновича выглядят обнадеживающими, мне, как и Яковенко, таковыми не кажутся. Докладчик обнаруживает эти тенденции в стихийном массовом протестном движении, в сексуальной революции и в мироощущении некоторых современных литературных персонажей. Мне же представляется, что во всех этих трех случаях положительная тенденция может рассматриваться лишь как один из абстрактных вариантов развития, реализация которого весьма проблематична. Не более того.

О чем свидетельствует нынешнее протестное движение в той форме, в которой оно проявилось на Манежной площади? О том ли, о чем пишет Алексей Платонович? Ведь такое движение не рождает ни личностного самосознания, ни идеи свободы в ее личностном понимании. Это — опять-таки соглашусь с тем, что здесь уже говорилось, — порыв не к свободе, а к волюшке вольной, который неоднократно являл себя в нашей истории и сопровождался последствиями, утверждению личностной культуры отнюдь не способствовавшими.

А о чем свидетельствует наша сексуальная революция? Когда мы сопоставляем ее с ее западным аналогом 1960-х годов, следует помнить, что последний характеризовался ярко выраженным антибуржуазным пафосом. Кроме того, сексуальная революция на Западе подогревалась ощущением угрозы ядерной войны, отчего и возникла установка: любовь сейчас, все сейчас, ибо завтра все это может взорваться и исчезнуть. В России же мы видим сегодня нечто иное. Мы видим, что сексуальная культура оказывается элементом культуры потребления. Точнее, тем ее элементом, который навязывается потребителю, дабы заткнуть ему рот. Кушай то, что у тебя отнимали десятилетиями, и не высовывайся!

Задача здесь — снизить социальную активность, канализировать ее в бытовые формы, заменить неудовлетворенность жизнью потребительским фетишизмом. Все, что способствует становлению личностного самосознания, развитию культуры чувств, сознательно выхолащивается, осмеивается, профанируется, опускается и принижается. Поощряемая сексуальная культура — это культура торжествующего варвара, кичащегося своей «крутизной».

Что касается литературы, то меня, честно говоря, несколько удивили завышенные оценки романа Татьяны Толстой. Что в нем нового? В тему «человек и власть» роман ничего оригинального не привносит, а суждение о том, что источник репрессий находится внутри самого человека, в его страхе перед властью, давно уже стало тривиальным. Тут и Фазиль Искандер вспоминается, да и он не был первым. Быть может, я ошибаюсь, но в литературе постсоветского периода я никаких глубоких идей или прозрений не вижу.

АЛЕКСЕЙ ДАВЫДОВ:

И каких-либо позитивных тенденций в современной России вы, как понимаю, не видите тоже...

Андрей Пелипенко:

Деструктивные тенденции несопоставимо сильнее.

АЛЕКСЕЙ ДАВЫДОВ:

И что же это означает?

Андрей Пелипенко:
Что обвал неизбежен.

Алексей Давыдов:
А что после обвала?

Андрей Пелипенко:

Вопрос вопросов в том, является ли нынешняя оболочка «Русской системы» ее последней формой или, когда нынешний режим падет, из его глубин вылезет еще одна матрешка, только меньшего территориального размера? В позднесоветские времена западническая интеллигенция была убеждена, что с падением коммунистов жизнь автоматически вырвет на цивилизованную колею. Однако коммунизм оказался не сущностью, а всего лишь оболочкой «Русской системы». Коммунизм ушел, а ее свинцовые мерзости остались. И к ним добавилось еще и общее раскультирование и одичание. Оттого и столь важен вопрос: является ли путинизм последней матрешкой?

Мне кажется, что эта матрешка все же последняя. В ужасной конфигурации «Русская система» — по крайней мере в ее основных характеристиках — воспроизведена не будет. Правда, обосновать это я сейчас не могу. И потому объективности ради готов признать, что теоретически вероятен и тот, и другой сценарий. От чего это будет зависеть? В значительной степени от того, как и при каких обстоятельствах пройдет обвал, который, думаю, долго ждать себя не оставит. И, соответственно, скачок-переход в новое состояние...

Игорь Клявкин:
И какие тут могут быть варианты?

Андрей Пелипенко:

Не знаю. Все будет зависеть от целого ряда параметров, которые создадут сложную многомерную конфигурацию. Эти параметры увидеть из нынешней исторической точки не представляется возможным. Слишком многое скрыто в тумане неопределенности краткосрочных конъюнктур. Но в какой-то очень малой степени ход событий, возможно, зависит и от нас.

Наталья Тихонова:

От нас, думаю, ничего не зависит. Усомнюсь и в том, что нынешняя матрешка последняя. Для того чтобы изменилась система, нужно, чтобы сложились альтернативные элиты. Последней матрешкой может считаться только та, которая дает возможность таким элитам сформироваться. Элитам, способным быть носителями других социальных институтов, других систем властных отношений. У нас же все, кто приходил к власти последние два десятилетия, включая либералов 1990-х годов, руководствовались все тем же старым принципом: «Мы за вас решаем, а вы будьте нам за это благодарны».

Наши элиты видят в народе население, а не свободно действующих субъектов и не создают условий для формирования альтернативных элит и гражданского общества. Они стремились и стремятся «хапнуть» и перераспределить в свою пользу все, что можно, хотя это психология бедных, а не ответственных элит. Пока для элит главное — это деньги, у нас матрешка последней не станет. Нам нужны потомственные элиты, у которых формируется соответствующая психология, а не смеяющиеся друг друга правящие группы «из грязи в князи» выбившихся людей.